

Константин Васильев. 1955 - 2001

*Здесь тумана завеса плотная,
Но сойти с дороги нельзя.
И на всем белом свете – вот моя
Окончательная стезя.*

*Преодолев снобизм и прочитав
хотя бы несколько стихотворений
Васильева, не веришь своим глазам: это
поэт не районного и даже не
областного, а всероссийского уровня, не
ниже Николая Рубцова или Леонида
Мартынова.*

В Ярославской губернии, недалеко от Ростова Великого, в ста метрах от высоких стен входящего в список святынь «Золотого кольца» Борисоглебского монастыря, родился, жил и год назад скончался русский поэт Константин Васильев.

Конечно, жители поселка больше всего гордились перед приезжими своим монастырем. Но иногда добавляли: а у нас есть местный поэт. Туристы и дачники вежливо улыбались, но про себя думали: знаем мы этих «местных поэтов» - мнят о себе невесть что, а почитаешь - сплошная графомания.

Думавшие так туристы и дачники жестоко ошибались. Преодолев снобизм и прочитав хотя бы несколько стихотворений Васильева, не веришь своим глазам: это поэт не районного и даже не областного, а всероссийского уровня, не ниже Николая Рубцова или Леонида Мартынова. Кроме яркого поэтического дара, дающегося только милостью Божией, это поэт высокой культуры и эрудиции, за всяким выписанным им образом толпятся десятки других, за любой из которых поэт средней руки отдал бы многое, а Костя говорит им: ждите, когда я займусь вами всерьез - пока вы не готовы выходить на читателя. А читатель был ему нужен. Вот что он сам писал об этом: Потребность предавать свои стихи гласности - необходимая потребность поэта. Ибо лишь это придает смысл его занятиям и - шире – его жизни».

Наследие Константина Васильева, умершего в возрасте 46 лет, огромно. Это не только стихи, но и блестящие литературоведческие эссе, переводы. Эти сокровища хранятся сейчас в Ярославском областном архиве. В регионе начинают понимать, какого масштаба мастер словесности жил на их земле. Конечно, рано или поздно это поймут все любители поэзии. Наш журнал считает для себя честью быть первым московским изданием, знакомящим с творчеством К. Васильева широкую аудиторию. Мы даем

четыре стихотворения поэта: о себе, о своей малой родине, о своей большой Родине и о своей смерти, которую он предвидел.

Я в плену, я в неволе
у себя самого.
Перейду это поле,
Не найду ничего.
И по краю, по краю,
где растет краснотал –
здесь я все растеряю,
чем вчера обладал.

Тихо вскрикнет пичужка,
вылетая на свет, и лесная опушка
встрепенется в ответ.

Будет песнь разливаться
над землю моей –
но душа отзываться
не осмелится ей...

Зачем искать великолепий
на небесах и на земле,
и в том числе - в Борисоглебе?
В Борисоглебе в том числе.

«Борисоглеб великолепен,
Борисоглеб неповторим...»
Зачем его возводят в степень?
Неповторимым был и Рим.

Так просто быть неповторимым...
Но на песке рисуют рыб –
и что тогда случилось с Римом?
Неповторимый Рим погиб!

Кто знает, несколько мгновений
или вся вечность на кресте?
Не требуется украшений
непреходящей красоте.

И наше время игровое
сошло с ума от мишуры.
Давай хотя бы мы с тобою

нарушим правила игры.

Игру огня в холодном небе
мы видим, стоя на земле –
и в том числе в Борисоглебе.
В Борисоглебе в том числе.

Мы, нищие, повылезли из дыр:
нас ждет шипенье пенистых бокалов –
призвали Всеблагие нас на пир,
Горят чертоги чердаков, подвалов,
весь мир наш синим пламенем горит,
тьма зависти ничьи глаза не застит.
Страна разбитых вдребезги корыт
уже не может рвать себя на части.
Но время есть: пока огнем горят,
пока вино питает почву нашу.
Я пью до дна - чтоб ненависти яд
не переполнил черной каплей чашу!

Смерть-старуха в мое окно
заглянула из-под руки.
Впрочем, в комнате так темно,
что и ей не видать ни зги.

И спокойно идут на дно
светляки мои, светляки.
Ничего же не решено,
если можетя - помоги.

И какие у нас дела
впереди – я не знаю сам.
Хоть давно уж сгорел дотла,
но тянусь я к твоим глазам,
ибо светятся в темноте
и сияют - не знаю где.